

УДК 811.161.1

DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-90-95

ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО РОМАНОВ ЖОРЖИ АМАДУ «ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СВЯТОЙ», «ГАБРИЭЛА, ГВОЗДИКА И КОРИЦА»

© Олеся Лазарева

DISCURSIVE SPACE OF JORGE AMADO'S NOVELS "THE DISAPPEARANCE OF THE SAINT" AND "GABRIELA, CARNE AND CINNAMON"

Olesya Lazareva

The article examines the discursive space of the novels "The War of the Saints" and "Gabriela, Clove and Cinnamon" by Jorge Amado. We consider speech activity to be a discourse as both the text generation process and the result of this speech activity are the text itself. The ambivalent understanding of discourse in modern linguistics reflects the complexity of studying this phenomenon, since there are a number of scientific trends interpreting its essence in different ways. The article studies the discursive space of literary texts as a complex system of discourse pieces, which is determined by the discursive personality of the author. The discursive personality of the author of these novels expresses his own system of attitudes through the creation of fictional texts, while simultaneously representing the system of axiological values of the multinational population of Brazil. The discursive personality determines the representation of the diversity of worldview contradictions and creates a fictional text, counting on creative cooperation with the reader. The discursive space of J. Amado's novels is structured by a special chronotope, directly related to the literary trend of magical realism, within which descriptions of real social contradictions, life situations and unreal mystical events are bizarrely combined. The extralinguistic factors are of particular importance, being associated with the description of the Candomble religious cult, which is a symbol of ethnic identity.

Keywords: discourse, discursive space, discursive personality, Jorge Amado

Данная работа посвящена рассмотрению дискурсивного пространства романов Жоржи Амаду «Исчезновение святой» и «Габриэла, гвоздика и корица». Дискурс – речевая деятельность как процесс порождения текста, а также результат этой речевой деятельности, то есть сам текст. Амбивалентное понимание дискурса в современной лингвистике отражает сложность изучения феномена, поскольку существует ряд научных школ, противоречиво толкующих его сущность. Дискурсивное пространство художественных текстов рассматривается как сложная система дискурсов, которая обусловлена дискурсивной личностью автора. Дискурсивная личность автора посредством создания художественных текстов выражает собственную систему жизненных ориентиров, одновременно репрезентируя систему аксиологических ценностей многонационального народа Бразилии. Дискурсивной личностью определяется репрезентация многообразия противоречий картины мира. Дискурсивная личность создает художественный текст, рассчитывая на сотворчество с читателем. Дискурсивное пространство романов Ж. Амаду структурировано особым хронотопом, непосредственно связанным с литературным направлением магического реализма, в рамках которого причудливо соединяются описания реальных социальных противоречий, жизненных ситуаций и ирреальными мистическими событиями. В структурной организации дискурсивного пространства романов особую роль играют экстралингвистические факторы, связанные с описанием религиозного культа Кандомбле, являющегося символом этнического своеобразия.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивное пространство, дискурсивная личность, Жоржи Амаду

Для цитирования: Лазарева О. Дискурсивное пространство романов Жоржи Амаду «Исчезновение святой», «Габриэла, гвоздика и корица» // Филология и культура. Philology and Culture. 2024. № 4 (78). С. 90–95. DOI: 10.26907/2782-4756-2024-78-4-90-95

Дискурс в современной лингвистике рассматривается как часть антропоцентрической парадигмы гуманитарного знания, поскольку во второй половине XX века в научном сообществе была осознана необходимость изучения всех проблем лингвофилософии, лингвокультурологии сквозь призму осмысления языка как результата деятельности как отдельного субъекта, так и национального сообщества. Отметим, что антропоцентрический подход был реализован в когнитивном или деятельностном подходе к изучению языка. Поэтому полагаем, что дискурс следует рассматривать с позиций когнитивной лингвистики.

Основу характеристики языка как особой социальной деятельности индивида и общества по формированию мышления находим еще в работах В. фон Гумбольдта, который писал о том, что «создание языка обусловлено внутренней потребностью человечества», а «язык – не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, но заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил» [1, с. 51].

Следует указать, что Гумбольдт обращал внимание на влияние национального языка на мышление человека. Развитие этой идеи затем находим в работах Э. Бенвениста, который метафорически говорит о необходимости изучения «человека в языке», что, в свою очередь, коррелирует с его концепцией о том, что «язык создан по мерке человека», то есть национальный язык связан с национальным мышлением. Изучение дискурса по Бенвенисту следует увязывать с тем, что дискурс – «эмпирический объект», в котором отражаются «следы субъекта акта высказывания, формальные элементы, указывающие на присвоение языка говорящим» [2, с. 124]. В настоящее время изучение типологии дискурса предполагает различные подходы и, как следствие, различные трактовки дискурса. Назовем структурно-стилистический подход, социально-прагматический, коммуникативный (или функциональный) подходы, иногда как отдельный подход рассматривается структурно-синтаксический. Помимо этого, следует указать, что существуют французская (Э. Бенвенист, М. Фуко, П. Серю, Э. Бюиссанс) и англо-американская (Т. ван Дейк, З. Харрис, Н. Фэрклоу, Г. Закс) школы дискурсивных исследований, а также немецко-австрийское направление исследований дискурса, к которому принадлежат Р. Водак, П. Хартман, У. Маас и др.

Основу когнитивных представлений о дискурсе в современном его толковании как речевой деятельности и как результата деятельности

(текста), заложил Т. ван Дейк. Он полагает, что дискурс связан с экстралингвистическими факторами, с идеологией и политикой, что, в свою очередь, определяет мировоззренческие доминанты людей определенного социокультурного пространства. В работах «Дискурс элиты и расизм» (1993), «Дискурс, власть и социальное познание» (1994), «Идеология и дискурс. Междисциплинарное введение» (2003), «Дискурс и власть» (2008), «Дискурс и контекст» (2008), «Дискурс и знание» (2014) ван Дейк справедливо указывает, что власть сознательно формирует определенные идеологемы у народа, действуя целенаправленно и постоянно, добиваясь нужного результата – определенного мировоззрения, транслируемого практически всеми членами общества. Эмпирической основой теории ван Дейка является утверждение о том, что «идеологии постепенно внедряются в социальные группы или целые культуры» [3, с. 19]. Он полагал, что «идеологии также контролируют развитие, структуру и применение социокультурных знаний»; «...идеологический контроль дискурса происходит посредством контроля ментальных моделей, и то же самое верно для приобретения, изменения и воспроизводства самих идеологий» [4, с. 33]. Уточним, что дискурс по ван Дейку является сложным коммуникативным явлением, в производстве которого особую роль играют экстралингвистические факторы.

При рассмотрении особенностей дискурса и дискурсивного художественного пространства латиноамериканской (испаноязычной) прозы нужно принимать во внимание особенности национально-культурных аспектов художественных произведений, поскольку они являются отражением этнического своеобразия, репрезентируя ценностную парадигму.

Произведения латиноамериканских писателей второй половины XX в. отличаются уникальностью, связанной со своеобразным литературным направлением – магическим реализмом (некоторые литературоведы и лингвисты склонны считать магический реализм художественным методом). Магический реализм как особое направление художественной литературы глубоко связан с национальными особенностями мировосприятия народов: «Магический реализм как художественный принцип постепенно складывался из большого и разноречивого потока модернистских и авангардистских группировок начала XX в.» [5, с. 70].

Прочитаем И. Ю. Вераксиха, который в курсе лекций по зарубежной литературе указывает: «Магический реализм – один из наиболее радикальных методов художественного модер-

низма, основанный на отказе от характерной для классического реализма онтологизации визуального опыта» [6]. Он полагает, что специфику магического реализма обеспечивают прежде всего «фантастические элементы», которые «могут быть внутренне непротиворечивыми, но никогда не объясняются». Характерными чертами магического реализма по Вераксичу являются: элементы фольклора, нарушение причинно-следственных позиций в хронотопе; многочисленные описания чувственного восприятия событий; неясность причинно-следственных связей; мистические события воспринимаются персонажами как норма жизни, «действующие лица не оспаривают логику магических элементов»; «эмоции и сексуальность человека как социального существа описаны очень подробно» [6].

В латиноамериканском художественном пространстве второй половины XX в. магический реализм становится воплощением этнокультурного своеобразия; он позволил описывать действительность, не акцентируя внимание на существующих противоречиях этнического и социального характера, аллегорически осмысляя сложную картину мира народов Латинской Америки. Хотя следует отметить, что глубокая метафорика не мешает, даже, скорее, помогает писателям осмыслить противоречия и трагические исторические события истории латиноамериканских стран. Так, знаменитые романы Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества», «Недобрый час», его повести «Палая листва», «Полковнику никто не пишет» прямо касаются темы гражданской войны в Колумбии, опосредованно затрагивают особую трагическую ситуацию острой политической борьбы, которая вылилась затем в массовое убийство политических оппонентов. Это явление политического террора в Колумбии названо «виоленсия» (либо политическая виоленсия) и состоит в том, что в стране была выстроена иерархическая система массовых политических убийств, которые стали восприниматься как привычная часть жизни общества. Именно виоленсия побудила самого Маркеса уехать из страны навсегда и просить в Мексике политического убежища.

Дискурсивное пространство произведений магического реализма латиноамериканских писателей связано, с одной стороны, с реалистическим описанием социальных проблем и противоречий, с другой стороны, с мистическим объяснением причин происходящих событий, с третьей стороны, с изображением этнических особенностей жизни и быта, что коррелирует с религиозными представлениями и мифологическим мышлением народа.

Так, в романе «Исчезновение святой» пропажа скульптуры Варвары Громоносицы, представляющей собой художественную и религиозную ценность, объясняется самым невероятным образом: статуя святой Варвары ожила, сошла с носилок и ушла *«чуть покачивая бедрами»* [7].

Дискурсивное пространство, опираясь на концепцию С. Н. Плотниковой, мы понимаем как: «...логическую среду, в которой сосуществуют дискурсы и дискурсивные личности» [8, с. 154], таким образом, следует признать возможным анализ художественного дискурсивного пространства, в котором присутствуют и дискурсивная личность (писатель), и временной континуум (хронотоп художественного текста), и переплетение конкретных проявлений различных типов институциональных дискурсов (по терминологии В. И. Карасика). Важным замечанием С. Н. Плотниковой является утверждение о том, что «порождение дискурса является прерогативой дискурсивной личности» [Там же, с. 157].

Дискурсивная личность – это автор художественного или иного текста, «порождающий дискурс» в виде «устного или письменного сообщения» [Там же]. Необходимо подчеркнуть, что для латиноамериканского магического реализма дискурсивная личность писателей является определяющей; в художественном пространстве произведений Ж. Амаду, И. Альенде, Г. Г. Маркеса находит воплощение языковая (дискурсивная) личность автора, отражаются особенности языковой и концептуальной картины мира. Анализ дискурсивной личности авторов латиноамериканского направления магического реализма представляется ключевым для интерпретации художественного дискурсивного пространства.

Вслед за И. И. Чумак-Жунь мы полагаем, что дискурсивное пространство следует трактовать двояко: как «...среду существования дискурсов» и как «дискурсивное пространство художественного текста». При исследовании дискурсивного пространства художественного текста необходимо анализировать и процесс порождения текста, и его реальный материальный результат, то есть сам художественный текст [9, с. 8–9].

На современном этапе развития различных направлений дискурсивных исследований особое внимание уделяется и осмыслению феномена дискурсивной личности авторов художественных текстов, известных журналистов, политиков. Во всех работах признается, что аспекты анализа дискурсивной личности должны быть комплексными, в противном случае невозможно рассмотреть систему транслируемых аксиологических ценностей.

Так, у О.А. и Ю.Н. Михайловых: «дискурсивная личность – многопараметровый феномен, это гибкий конструкт, постоянно трансформируемый в ходе социального взаимодействия. Описание дискурсивной личности должно проводиться комплексно, с опорой на коммуникативное поведение, в котором представлены и коммуникативные компетенции личности, и коммуникативные модели, предписанные дискурсом и имеющие аксиологический характер» [10, с. 30].

Жоржи Амаду как дискурсивная личность, создавшая художественное пространство романов магического реализма, в которых репрезентируется система аксиологических ценностей жителей бразильского штата Баия, является символом многонационального народа Бразилии. Он сумел соединить в художественном пространстве своих произведений различные мировоззренческие представления этносов, живущих в Баие; при этом в его произведениях не содержится описания расовых и религиозных противоречий. Все религиозные и мистические представления, определяющие поведенческие стереотипы представителей различных этических групп, не приводят к острым конфликтам. Жоржи Амаду удалось показать, как параллельно и без прямых конфликтов могут сосуществовать практические языческие культы, основы которых – традиционные мистические представления африканских народов, и христианские католические религиозные представления.

Амаду продемонстрировал, как под влиянием особых социально-экономических условий происходила трансформация религиозных взглядов всех народов Бразилии.

Дискурсивная личность Амаду сформировалась под влиянием семейных жизненных обстоятельств. Он родился в зажиточной семье, которая владела плантациями какао в штате Баия (не случайно в его произведениях появляются образы плантаторов и описания важности урожая какао для благополучия всех жителей штата). Семья переехала в небольшой городок Ильеус, спасаясь от эпидемии оспы. Детство Амаду можно назвать благополучным, его образованием в основном занималась мать, которая и научила его читать. Во многих произведениях Амаду появляются образы добрых матерей, которые определяют будущность своих детей, прививая систему ценностей. Однако стремление к полной свободе, рамки которой очень стесняла семья, побуждали его к необдуманным поступкам. Он сбежал из дома и в течение нескольких месяцев скитался по штату Баия, пока его не нашел отец. Жоржи был строго наказан, однако через некоторое вре-

мя после этого семью постигла серьезная утрата: отца убили в уличной перестрелке. В романах «Исчезновение святой», «Габриэла, гвоздика и корица» находят отражение описание жестоких криминальных событий прошлого и настоящего и сложные отношения родителей и детей.

Амаду с явным осуждением рассказывает о жестокой эпохе передела земли для плантаций какао, приносящих баснословные доходы:

«В те времена здесь все основывалось на мошенничестве и правосудие служило интересам завоевателей; в те времена чуть не за каждым высоким деревом укрывался в засаде стрелок, подстерегавший жертву» [11].

В романе «Исчезновение святой» возникает образ убийцы Зе Ландыша, который выполнял «грязную работу», убийства по заказу фазендейро, привыкших таким образом решать проблемы. Поскольку романы Амаду являются частью направления магического реализма, то в них мистическим образом оказывается наказанным зло и торжествует справедливость. В романе «Исчезновение святой» описывается мистическое пере рождение убийцы:

«Да, господа, с глубоким прискорбием извещаем вас о том, что Зе Ландыш, уроженец и житель Пернамбуко, славнейший из «пистолейро», известный во всех сопредельных штатах, стреляющий без промаха, можно считать, умер и похоронен. Бросил свое ремесло» [7].

В рассматриваемых романах Ж. Амаду как дискурсивная личность актуализирует собственные представления, связанные с общечеловеческими аксиологическими ценностями, утверждая, что абсолютной является ценность человеческой жизни, причем любого человека, в том числе и такого, как убийца Зе Ландыш. Также находят воплощение его наблюдения за жизнью людей различных социальных групп и этносов: образы представителей «социального дна», например, различных преступников, одновременно создаются не совсем привлекательные портреты представителей власти и так называемой «элиты» общества. Так, в романе «Габриэла, гвоздика и корица» иронично описывается собрание в клубе «Прогресс», где перед избранной публикой выступает приезжий поэт. Плантаторы и их жены ратуют за прогресс и развитие общества, но одновременно не осуждают убийство одним из них своей жены из ревности, ибо таковы традиции и нравы. В романе «Исчезновение святой» ирония и сарказм сопровождают появление образов лицемерных отцов церкви, заботящихся о

собственном благополучии, церковной карьере и пр. В романах Ж. Амаду присутствует выраженная аксиологическая модальность, связанная с прямым осуждением насилия в обществе, а также с обвинением властей в лицемерии, жестокости, страсти к обогащению.

Дискурсивная личность Ж. Амаду находит отражение в репрезентации концепций жизненной реальности, где транслируются его политические воззрения; практически во всех произведениях содержится осуждение властей, не принимающих, по сути, ничего, чтобы облегчить тяжелое социальное положение бедняков. Амаду использует определенные средства языка, реализует коммуникативные стратегии и тактики в речи персонажей для отражения идеологических и политических констант собственной жизненной позиции, выражает личностные ценностные ориентиры и воспроизводит общенациональные мировоззренческие доминанты. Дискурсивное пространство романов Ж. Амаду «Исчезновение святой» и «Габриэла, гвоздика и корица» отражает социальную реальность.

Исследуемые романы Ж. Амаду как особое дискурсивное художественное пространство литературы магического реализма имеют уникальную структуру, связанную с параллельным развитием различных сюжетных линий, сливающихся воедино и выступающих как причина и следствие одновременно.

Каждый из романов, как и любой вид художественного дискурса, имеет свою структуру, включает в себя членение на главы и эпизоды. Единство дискурсивного пространства романов связывается с особенностями хронотопа; отсутствует линейное развитие пространственно-временного континуума. События происходят одновременно в настоящем, прошлом и отчасти в предполагаемом будущем. В дискурсивном пространстве романов Ж. Амаду «Исчезновение святой» и «Габриэла, гвоздика и корица» целостность обусловлена тематическим единством тем дискурсов, подчиненных интенциям автора.

О. Б. Стариннова и О. Н. Токарев отмечают: «...художественный дискурс как самостоятельное вербальное звено сложного коммуникативного процесса содержит в себе основу для формирования сознания читателя, предлагая индивидуальное переплетение речевых регистров» [12, с. 31].

Феноменом дискурсивного пространства романов Ж. Амаду «Исчезновение святой» и «Габриэла, гвоздика и корица» является соединение «речевых регистров» персонажей и самого автора-рассказчика. При этом создается дискурсивное пространство, соединяющее элементы опи-

сания социальной реальности и магических событий, связанных с религиозными представлениями и мистическими культами. Так, в романе «Исчезновение святой» католическая святая Варвара Громоносица оказывается богиней Иансан афро-бразильского культа Кандомбле, исповедуемого в бразильском штате Баия.

Важным элементом дискурсивного пространства романа являются предполагаемые знания читателей о культе Кандомбле, то есть Ж. Амаду сознательно учитывал экстралингвистические факторы, влияющие на структуру текста. Следует также отметить большое количество этнореалий в дискурсивном пространстве романа.

Подводя итоги проведенного исследования, необходимо констатировать, что дискурсивное пространство романов Ж. Амаду «Исчезновение святой» и «Габриэла, гвоздика и корица» представляет собой сложную дискурсивную структуру, обусловленную дискурсивной личностью автора, его интенциями, системой жизненных установок и ценностей. При этом мировоззренческие доминанты автора совпадают с системой аксиологических ценностей этносов Бразилии.

В дискурсивном пространстве романов соединяются речевые регистры персонажей и автора-рассказчика, предопределенные экстралингвистическими факторами, среди которых национальные особенности религиозных верований и традиций (Кандомбле), соединение магических событий с реалистичным описанием социальной действительности.

Список источников

1. Гумбольдт В. фон Язык и философия культуры / Ред. и вст. ст. А. В. Гулыга, Г. В. Рамишвили, А. В. Гулыга. М.: Прогресс, 1985. 452 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
3. Dijk T. A. van. Discourse analysis as ideological analysis // Language and Peace / eds. C. Schaffner & A. Wenden. Aldershot: Dartmouth Publishin, 1995. P. 17–33.
4. Дейк Т. ван Язык. Познание. Коммуникация = Познание. Сборник работ / Т. А. ван Дейк; составление В. В. Петрова; пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
5. Гугнин А. А. Магический реализм в контексте литературы и искусства XX века (Феномен и некоторые пути его осмысления) М.: Российская академия наук Институт славяноведения Научный центр славяно-германских исследований. 1998. 117 с.
6. Веракисич И. Ю. Курс лекций по зарубежной литературе. Лекция 26. Литература Латинской Америки. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/>

veraksich-hh-vek-kurs-lekcij/lekcija-26.htm (дата обращения: 22.09.2024).

7. Амаду Ж. Исчезновение святой. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/251850-141-zhorzhi-amadu-ischeznovenie-svyatoj.html#text> (дата обращения: 23.09.2024).

8. Плотникова С. Н. Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. 2011. Вып. 2. С. 152–158.

9. Чумак-Жунь И. И. Дискурсивное пространство поэтического текста: образное слово в русской лирике конца XVIII – начала XXI веков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2009. 36 с.

10. Михайлова О. А., Михайлова Ю. Н. Дискурсивная личность: опыт лингвоаксиологического анализа / О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова // Политическая лингвистика. 2021. № 6 (90). С. 23–31.

11. Амаду Ж. Габриэла, гвоздика и корица. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/klassicheskaya-proza/289977-13-zhorzhi-amadu-gabriela-korica-i-gvozdika.html#text> (дата обращения: 25.09.2024).

12. Стариннова О. Б., Токарев О. Н. Анализ дискурсивного пространства художественного текста // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2009 № 2. С. 33–43.

References

1. Gumbol'dt, V. Fon (1985). *Yazyk i filosofiya kul'tury* [Language and Philosophy of Culture]. Red-ya i vst. st. A. V. Gulyga, G. V. Ramishvili. A. V. Gulyga. 452 p. Moscow, Progress. (In Russian)

2. Benvenist, E. (1974). *Obshhaya lingvistika* [General Linguistics]. 448 p. Moscow, Progress. (In Russian)

3. Dijk, T. A. van. (1995). *Discourse Analysis as Ideological Analysis*. Language and Peace / eds. C. Schaffner & A. Wenden. Pp. 17–33. Aldershot, Dartmouth Publishin. (In English)

4. Dijk, T. van (1989). *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya=Poznanie. Sbornik rabot* [Discourse, Context and Cognition. Collection of works]. T. A. van Deik; sostavlenie V. V. Petrova; per. s angl. yaz. pod red. V. I. Gerasimova; vstup. st. Yu. N. Karaulova, V. V. Petrova. 310 p. Moscow, Progress. (In Russian)

5. Gugin, A. A. (1998). *Magicheskii realizm v kontekste literatury i iskusstva XX veka (Fenomen i nekotorye puti ego osmysleniya)* [Magical Realism in the Context of Literature and Art of the 20th Century (The phenomenon and some ways of understanding it)]. 117 p. Moscow, Rossiiskaya akademiya nauk Institut slavyanovedeniya Nauchnyi tsentr slavyano-germanskikh issledovani. (In Russian)

6. Veraksich, I. Yu. *Kurs leksii po zarubezhnoi literature. Lektsiya 26. Literatura Latinskoi Ameriki* [Lecture Course on Foreign Literature. Lecture 26. Literature of Latin America]. URL: <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/veraksich-hh-vek-kurs-lekcij/lekcija-26.htm> (accessed: 22.09.2024). (In Russian)

7. Amadu, Zh. *Ischeznovenie svyatoi* [The Disappearance of the Saint]. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/sovremennaya-proza/251850-141-zhorzhi-amadu-ischeznovenie-svyatoj.html#text> (accessed: 23.09.2024). (In Russian)

8. Plotnikova, S. N. (2011). *Diskursivnoe prostranstvo: k probleme opredeleniya ponyatiya* [Discursive Space: On the Problem of Defining the Concept]. Nauchno-pedagogicheskii zhurnal Vostochnoi Sibiri Magister Dixit. Vyp. 2, pp. 152–158. (In Russian)

9. Chumak-Zhun', I. I. (2009). *Diskursivnoe prostranstvo poeticheskogo teksta: obraznoe slovo v russkoi lirike kontsa XVIII – nachala XXI vekov: avtoref. dis. ... doktora filol. nauk* [Discursive Space of a Poetic Text: A Figurative Word in Russian Lyrical Poetry of the Late 18th–Early 21st Centuries: Doctoral Thesis Abstract]. Belgorod, 36 p. (In Russian)

10. Mikhailova, O. A., Mikhailova, Yu. N. (2021). *Diskursivnaya lichnost': opyt lingvoaksiologicheskogo analiza* [Discursive Personality: An Experience of Linguaxiological Analysis]. O. A. Mikhailova, Yu. N. Mikhailova. Politicheskaya lingvistika. No. 6 (90), pp. 23–31. (In Russian)

11. Amadu, Zh. *Gabriela, gvozdika i koritsa* [Gabriela, Cloves and Cinnamon]. URL: <https://libcat.ru/knigi/proza/klassicheskaya-proza/289977-13-zhorzhi-amadu-gabriela-korica-i-gvozdika.html#text> (accessed: 25.09.2024). (In Russian)

12. Starinnova, O. B., Tokarev, O. N. (2009). *Analiz diskursivnogo prostranstva hudozhestvennogo teksta* [Analysis of the Discursive Space of a Literary Text]. Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishheva. No. 2, pp. 33–43. (In Russian)

The article was submitted on 05.11.2024
Поступила в редакцию 05.11.2024

Лазарева Олеся Викторовна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
117198, Россия, Москва,
Миклухо-Маклая, 6.
lazareva_ov@pfur.ru

Lazareva Olesya Viktorovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
RUDN University,
6 Miklukho-Maklaya Str.,
Moscow, 117198, Russian Federation.
lazareva_ov@pfur.ru